

Коварный враг

Мне хочется рассказать о Капранове Владимире Анатольевиче.

Он родился 24 августа 1945 года. В 1968 с отличием закончил Харьковское высшее

военное авиационное училище лётчиков. С 1984 служил в военной академии химзащиты. Воинское звание — полковник.

В 1987 году был откомандирован в Чернобыль в составе группы специалистов от Военной академии химической защиты. Недавно в нашей школе состоялась встреча с этим удивительным человеком. Думаю, в дни

его молодости самоотверженность была характерной чертой для большинства Советских людей, но сегодня нас, восьмиклассников, поражает та жертвенность, на которую способны были ликвидаторы и лётчики, в первую очередь, в дни страшной трагедии для людей Украины, Белоруссии и России.

Владимир Анатольевич много рассказывал о том тяжёлом времени, но о первых днях Чернобыльской катастрофы он вспоминал с особым волнением. «Нас разбросали по всем частям химических войск, принимавшим участие в ликвидации последствий катастрофы. Первое, что поразило меня,- это величина разрушений атомной станции, масштаб проводимых работ, количество людей и техники, и самое страшное - "рыжий лес", опустевшие посёлки и деревни.

Вредный радиационный фактор сразу дал о себе знать: першение в горле, головные боли, массивный привкус, резь в глазах. Невидимые глазами активные частички вместе с пылью попадали в организм и делали свое разрушительное действие. Можно сказать, что военные частично были готовы к встрече с таким коварным врагом. Но одно дело - враг, явный, очевидный, и совсем другое – всё как всегда, но ты понимаешь, что радиация везде и никуда от неё не деться. Конечно, меня, как и всех ликвидаторов, вооружили различными индивидуальными дозиметрическими приборами, однако все они были несовершенны. Мы почувствовали отсутствие полной защищённости от радиационной опасности.

Московская 26-я бригада химической защиты дислоцировалась в селе Ораное. Все её шесть батальонов были полностью укомплектованы, чётко и слаженно выполнялись поставленные задачи. В наши обязанности входило ведение радиационной разведки на территории станции в 30 - километровой зоне; определение радиационного фона местности; составление карт радиационной разведки; проведение дезактивации техники и дорог; набор проб воды, грунта, растительности, которые исследовались в лабораториях. Нельзя не учитывать радиационные факторы, которые мешали нам вести работу: нестабильность артериального давления, постоянные головные боли, мочекаменная болезнь. Начались проблемы и с моим здоровьем.

Прослужив в вооруженных силах в общей сложности 30 календарных лет, я после пребывания на ЧАЭС, получив инвалидность, ушёл на пенсию.

В первые годы после катастрофы различные государственные и общественные структуры, фонды и центры социальной защиты инвалидов - чернобыльцев, постоянно оказывали нам помощь в квалифицированном обследовании и лечении. В течение ряда лет мы ездили на лечение за границу, нам выдавали дорогие лекарства. Однако после принятия Федерального закона № 122 чернобыльцы были лишены многих льгот. Теперь они оказались никому не нужны со своими болезнями и проблемами. Нас вспоминают, увы, только раз в году, в день катастрофы на ЧАЭС. В этот день мы, встречаясь на Митинском кладбище, где похоронены наши товарищи, пересматриваем свои ряды и убеждаемся, что нас остается все меньше и меньше...».

Разумеется, это только часть того, что рассказал нам этот интересный человек. Неизгладимое впечатление произвёл и фильм о лётчиках, которые, рискуя своей жизнью, засыпали горящий реактор, зависая над ним на высоте 150 метров.

Восхищает самоотверженность людей, которые, не задумываясь, готовы были жертвовать своим здоровьем, и даже жизнью, ради борьбы с невидимым и потому коварным врагом – радиацией.

Мы, сегодняшняя молодёжь, совсем ничего не знали о страшных Чернобыльских событиях. К счастью, ещё живы те, кто ценой своего здоровья предотвратил распространение «рыжей» смерти.